

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

БОРИСА
И ГЛЕБА

2020...

Борис Алексеев

КОЛИЧЕСТВО
ЖИЗНИ

Борис Алексеевич Алексеев
Количество жизни
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56130565

*Количество жизни. Сборник рассказов: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907306-35-6*

Аннотация

Новая книга Бориса Алексеева «Количество жизни» — это фейерверк житейских историй и фантастических предположений!

В книге две самостоятельные главы. О первой главе («Больничка Эмми») можно сказать так: она давно и хорошо знакома читателям. Но знакома не по литературе. «Больничка» — не плод авторской фантазии. Сюжетные повороты первой главы взяты прямо из жизни. Из тусклой, обыкновенной и немножечко героической жизни.

«Перечитывая» самих себя, каждый из нас вправе искренне удивиться: «Почему я не помню о себе то, что знает обо мне автор?». Получается, что книга возвращает утерянные фрагменты наших биографий! Это ценно.

Вторая глава («На грани парадокса») – увлекательное «брожение ума» после скрупулёзных наблюдений за сюжетами «Больнички». И только?

К примеру, умный Кляка, персонаж рассказа «На грани парадокса», говорит Митяю Бездельникову: «Знай, Митя: парадокс возникает как попытка выпутаться из софизма, но разрешается в конце концов открытием гения!». Тут-то и начинаешь понимать, куда нас, читателей, с лёгкой руки автора занесло – не иначе как в тонкие сферы. А там!..

Содержание

Глава первая. Больничка Эмми	10
Тринадцать метров	10
Пуговица	15
В здоровом теле	19
След прошлого...	24
Пиши, брат!	28
Рассказы об отце	31
Рассказ 1. Рыжий	31
Рассказ 2. Утопленница	33
Он выплывет!	38
Голубая Вольва	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Алексеевич Алексеев
Количество жизни
Сборник рассказов

Международный
фестиваль
Бориса и Глеба

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страсотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровьми своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудьте и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием дьявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страсотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплеменных, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

* * *

Москвич. Профессиональный иконописец и литератор. Член Московского союза художников. Имеет два ордена Русской православной церкви. Член Союза писателей России (Московская городская организация). Пишет стихи и прозу. Выпустил ряд книг, в т. ч. книгу стихов «Житейское море» и три книги прозы: «Кожаные ризы» (рассказы, жанровая

проза), «Неделя длиною в жизнь» (сборник эссе) и «Планта-надежда» (фантастика).

Лауреат Премии Гиляровского и Серебряный лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси – 2016». Финалист национальной литературной премии «Писатель года – 2017». Дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест – 2018». Дипломант Литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года» (2016–2018). Награждён медалью И. А. Бунина «За верность отечественной литературе» (Союз писателей России, декабрь 2019 г.).

Живёт и работает в Москве.

Глава первая. Больничка Эмми

Тринадцать метров

«Мы с женой отдыхали в Крыму. Стояло жаркое лето...»

Борис зевнул, скользнул ладонями по клавиатуре и, как надкушенная вирусом программа, безвольно откинулся на спинку стула.

Главред слил заказ – набить к утру весёлый текст про Крым на полтора листа.

– Завтра Путин открывает Крымский мост. Нужна тема!

Деньги посулил полуторные! И что? Второй час Боря бесцельно нажимал стёртые головки литер, пытался взлететь, но взлететь не мог.

«Не то, не то!» – трубила его литературная совесть, поуждая раз за разом вымарывать следы очередного несостоявшегося откровения.

В конце концов Боря не выдержал, встал и извлёк запрятанную в книжный шкаф бутылку недопитого портвейна «Алушта». Выпил, прислушался.

За окном в медовом сумраке сентябрьского вечера загорались фонари и первые звёзды. «Какая глубина!» – улыбнулся сочинитель.

Мокрый асфальт, промытый первым осенним, но ещё полетнему тёплым дождём, сверкал в лучах дворовых фонарей и разновеликих цветастых окон. Дома отражались в лужах на асфальте, превращая уютный московский дворик в чёрный бездонный колодец. На лавочке у подъезда напротив сидела кошка и замывала гостей. Точно такая же кошка притулилась вниз головой ниже по склону колодца.

– Какая глубина! – едва не рассмеялся Борис. – Глуби... Его пронзило воспоминание. «Эврика! Есть тема!» Боря бросился к клавиатуре. По экрану слева направо поползла строка: «Этим летом мы с женой отдыхали в Крыму, в посёлке Новый Свет. Стояла тропическая жара...»

...Крымское солнце плавало полуостров. Волны пенистыми валами выбегали из моря и раскладывали на песчаной отмели причудливые морские безделушки. Но торговля не шла. И тогда очередная волна торопливо соскребала с «прилавка» диковинные товары и пятилась в море.

– Жаден Нептун! – заметила жена.

Мы подошли к лодочной станции. Нас встретил плакат: «Дайвинг-клуб. Глубоководное погружение за смешные деньги!» Я посмотрел на жену, она ответила молча: «Иди, если тебе это надо».

Инструктаж перед погружением был короток и ленив, только самое необходимое. Затем инструктор натянул на ме-

ня гидрокостюм (гидру), маску, ласты, прикрепил к спине баллоны с воздухом и начал экипироваться сам. Покончив с экипировкой, он подошёл к бортику пристани, обернулся, сделал знак следовать за ним и спиной вперёд прыгнул в воду. Я как мог повторил все его движения.

...Высвечивая фонарями чёрные провалы глубины, мы медленно погружались на глубину. Инструктор шёл первым, я – послушно вторым. Довольно скоро показалось дно. Разбитые кувшины и прочие артефакты древнего кораблекрушения виднелись всюду. Вросшие в песчаное дно, они хранили торжественное молчание. Казалось, тронь любой из них – тотчас под глиняной «склянкой» встрепенётся и побежит по песку, как донный рачок, крохотный фрагмент потревоженного прошедшего времени...

Как потом мне проболтался один из местных «ловцов жемчуга», дно с разбитыми кувшинами представляло собой искусный исторический муляж. Но в те мгновения (уж поверьте!) я действительно наблюдал обломки старинного корабля, затонувшего, со слов инструктора, в самом настоящем двенадцатом веке! Ведь если двенадцатый век действительно существовал, почему бы не существовать и его обломкам?!

Далее случилось вот что.

На глубине тринадцати метров я почувствовал, что у меня кончается воздух, и подал знак инструктору условленным движением руки. Тот в ответ поднял большой палец вверх,

мол, понял, всё хорошо, и как ни в чём не бывало продолжил донный дрейф. Однако воздух в моей трубке стал действительно заканчиваться. Я всё более нервно вдыхал его остатки, ещё и ещё раз объясняя жестом балбесу-инструктору, что есть проблема. Наконец до него дошло, что мне плохо.

Почему в моих баллонах закончился воздух раньше, чем у инструктора? Должно быть, от волнения я совершал много лишних движений, глубоко и часто дышал.

Теперь же, задыхаясь, я готов был сбросить маску! Инструктор протянул мне аварийную дыхательную трубку, прикреплённую к его баллонам. Я торопливо поменял приборы, но вдохнуть... не смог. Какой-то нервный спазм перекрыл движение грудной клетки. А мы ведь были на глубине! Наверное, я потерял сознание, поэтому совершенно не помню подъёма.

Горе-наставник вытолкнул меня из воды. Я повис на пробковом буре, сбросил маску, но сделать вдох ещё долго не мог. Я висел как дохлая рыба, не понимая – спасён или умираю. Было больно.

Наконец спазм понемногу стал отпускать, и мне удалось сделать несколько прерывистых вдохов. Ещё минут через пять я окончательно пришёл в себя и огляделся. Инструктор разговаривал с приятелями на берегу, допивая бутылку пива и изредка поглядывая в мою сторону.

«Ну, сволочь, погоди!» – грозно подумал я и стал подбираться к берегу. Давило ощущение огромной тяжести, как

будто на меня навесили свинцовые грузила водолазного костюма. Я выполз на берег и с трудом стащил с себя казённый гидрокостюм.

Поравнявшись с компанией глубоководных болтунов, я расслышал сквозь гудение в ушах знакомый голос:

– Давай сюда гидру. Как сам?

Злость куда-то ушла.

– Нормально, – ответил я и пошёл к жене, которая стояла и ждала меня поодаль.

– Как ты долго! – Марина хмуро оглядела моё «глубоководное» состояние, видимо, почувствовав неладное.

В этот миг я окончательно понял, что остался жив, и решил немедленно рассказать жене о случившемся. Однако осёкся, заметив поблизости молодую женщину. Она сидела на пирсе, куталась в плед и напряжённо вглядывалась в море.

Пуговица

Маленькая, потёртая временем Пуговица грелась на солнышке, ожидая окончания очередной партии в домино.

– Рыба! – дрогнула старая кацавейка, да так сильно, что лопнули подгнившие пуговичные нити. Пуговка оторвалась от матери-кацавеюшки и, как пружинка, отлетела прочь на газонную траву.

– О-ой! Да как же это? – пискнула Пуговка. Кусочком нити она смахнула слезинку вечерней росы, выкатившуюся из её дырочки, и осмотрелась. Мать-кацавеюшка, будто ничего не произошло, продолжала ласково обнимать дедушку Кронита. А тот поглаживал её своими шершавыми ладонями и складывал фишки, считая «вес» пойманной им рыбы.

Пуговица впервые видела деда одетым неряшливо. Такого раньше не случалось. Кронит был наследным интеллигентом и даже малый изъян в одежде, например, отсутствие пуговицы, воспринимал как неправильно решённое уравнение. А для школьного учителя математики подобная «алгебраическая» неточность попахивала личным фиаско.

«Э-э-э, нет, – вдруг вспомнила Пуговица, – в 1937 году случилось...»

...Люди в погонах заперли Кронита в сыром подвале и долго били. Тогда-то мать-кацавейка и растеряла почти

все свои пуговицы. На третий день отпустили. Кронит кое-как вернулся домой, дверь ему открыла бабушка Оля, живая, молодая и красивая. Дед взглянул на неё и прямо в дверях упал в обморок.

Долго потом Оля, растопив в слезах кусок хозяйственного мыла, отстирывала кровь с одежды мужа.

– Да... – Пуговица припомнила белый шрам на матери-кацавейшке от ворота до самой поясницы.

...Подвал, крик следователя и стон деда. В две крохотные дырочки, прикрытые чубчиком швейных нитей, пуговка наблюдает, как писарь вскакивает со стула, подбегает к деду и бьёт его чем-то тяжёлым в затылок. Потом сгребает мать-кацавейку в свой огромный кулак и волочит деда по бетонному полу. Мать не выдерживает страшной боли и рвётся пополам. Дед падает из рук мучителя. Писарь отряхивает ладони, вытирает носовым платком пот со лба и садится за стол. «Продолжим», – говорит следователь. Писарь, обмакнув перо в чернильницу, начинает записывать ещё не существующий ответ деда.

– Милый дед, – вздохнула Пуговица, рассматривая широкую заплату на правой брючине чуть ниже бедра...

...Шёл 1962 год. Кронит, уволенный из школы за то, что не пропустил в выпускной класс сына секретаря райкома, отпетого двоечника и маленькую детскую сволочь, четвёртый месяц работал егерем в лесном урочище Сандармох, что на

берегу Онежского озера, близ посёлка Повенец. Трудная была работа, и место тяжёлое, расстрельное.

Однажды обходом набрёл он на двух матёрых браконьеров. Те завалили лося и только принялись свежевать тушу. Увидев Кронита, разбойники похватали ружья и точно б прибили деда, но в этот миг из ельника выкатился огромный медведь-шатун. Медведь, дурея от запаха крови, бросился на Кронита. Браконьеры на стали стрелять в медведя, а, подхватив отрубленные лосиные рога, пустились наутёк. Кронит сорвал с плеча ружьё, но выстрелить не успел. Медведь ударил его лапой в правое бедро, повалил и... вдруг спрянул назад, истошно рыча и перекатываясь по снегу. Его правая задняя лапа оказалась перехвачена острозубым медвежьим капканом, из-под лезвия которого уже всю хлестала и пенилась бурая кровь зверя.

Когда Кронит, пошатываясь, добрёл до дома, на крыльце его встретила заплаканная от тяжёлого предчувствия Оля. Она проплакала весь вечер, отпаивая мужа горячим чаем с рябиной и вшивая в правую брючину ту самую заплату.

Невесёлые воспоминания Пуговки прервал окрик деда:
– Вот те на! А Пуговица-то где?

Старички нагнулись и стали шарить в траве вокруг стола. «Я здесь, здесь!» – Пуговка силилась им помочь, но говорить вслух она не умела, а её лакированный бочок под вечер уже не так посверкивал, как, скажем, пополудни.

– Да вот же она! – Кронит наклонился до земли и аккуратно двумя дрожащими пальцами поднял Пуговицу, смахнул оставшиеся от вечерней росы слезинки и положил в карман своей кацавейки. «Опять я у мамы в животике!» – зевнула нагулявшаяся во дворе Пуговка и тотчас уснула безмятежным сном.

В здоровом теле

*Будем лечить или пусть живёт?
(из стенограммы медицинского консилиума)*

Гриша проснулся рано и сразу почувствовал себя плохо. Он поглядел на спящую жену, вздохнул и подошёл к зеркалу. По ту сторону стоял явно больной человек, вид которого скорее пугал и отталкивал, чем вызывал сожаление.

– Н-да, нужен врач, – поморщился Гриша и вышел на крыльцо.

Его загородный дом, потеснив старые барские заросли белой сирени, стоял на задах живописной подмосковной деревни. День был воскресный. Ехать никуда не хотелось.

Тем временем проснулась жена. Оглядев Гришу, она без слов выкатила из гаража машину, усадила мужа, включила «красную цветомузыку» и помчалась в город.

Они вошли в вестибюль современной коммерческой клиники «В здоровом теле».

– Здравствуйте. Ваши проблемы? – обратилась к ним милостивая девушка-регистратор.

– Да вот, – начал отвечать Гриша, но девушка положила перед ним бланк договора и попросила расписаться в трёх местах.

Когда Гриша расписался, она сообщила, что первичный осмотр стоит две с половиной тысячи рублей, и указала на окошко кассы, где следует заплатить деньги. Грише хужело на глазах.

– Девушка, – заволновалась жена, – скажите, где приём.

– Одну минуту, – перебила её молодая распорядительница. – Я должна занести в компьютер факт оплаты и выдать талон!

Гриша положил в окошко пятитысячную купюру, взял чек и, не ожидая сдачи, вернулся к стойке регистрации. За барьером он увидел сразу двух зеркально похожих друг на друга девиц и никак не мог сообразить, какой из них следует отдать оплаченную бумажку. Тем временем жена на табло прочитала расстановку персонала на сегодня, подхватила Гришу под руку и поспешила в кабинет первичного приёма.

– Стойте! – взвизгнула девушка им вслед. – Вы не надели бахилы!

Юркнув между стеной и Гришей, девушка перегородила дорогу.

– Наденьте, пожалуйста, бахилы! – Её голос прозвучал сухо, как бой металлокерамики.

Спорить было бесполезно. Жена вывела мужа обратно в холл и, усадив на диван, обклеила ботинки синими целлофановыми мешочками. Сдерживаясь, чтобы не заплакать, она с трудом приподняла грузное Гришино тело и, подперев его своим хрупким плечиком, снова повела его по коридору к

кабинету первичного приёма.

Они вошли в небольшое стерильное помещение. У окна стоял стол, за столом сидел врач и что-то писал.

– Доктор, посмотрите, пожалуйста, моего мужа, ему плохо, – немного задыхаясь от напряжения, сказала жена и усадила Гришу на единственный свободный стул.

Врач продолжал писать. Его спина выгибалась то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, начинал он строку или заканчивал. Неожиданно Гриша потерял сознание и повалился со стула на пол. Произошло это так быстро, что жена только всплеснула руками и бросилась поднимать мужа.

– Одну минуту. – Врач обернулся, поглядел на пожилую пару и продолжил писать.

Наконец он отложил бумаги и подошёл к Грише вплотную.

– Что болит? – спросил доктор, разминая пальцы.

– Ему плохо! – ответила за мужа жена. – Сделайте что-нибудь!

– Надо сдать анализы. Я выпишу направление. Завтра утром приходите натошак. Попросите сделать вам экспресс-диагностику, и с результатами – ко мне. Всего доброго!

Он вышел из кабинета. Жена, не веря в происходящее, слушала затухающий перестук его каблучков и с минуту стоя-

ла неподвижно, поддерживая мужа. Наконец она поняла, что врач действительно ушёл и первичный приём окончен.

– Пойдём, Гриша, отсюда. Я сама.

Не снимая бахил, они вышли из клиники и направились к машине.

– Вы будете сдавать анализы? Мне оформлять или нет? – из дверей закричала им вслед девушка-регистратор.

– Ответь ей, – шепнул Гриша жене, немного придя в себя на воздухе.

– Садись, пожалуйста, – буркнула жена и захлопнула дверцу.

Они ехали молча. Гриша, пригревшись на заднем сиденье уснул. Ему приснилось, что они вернулись в клинику. Девушка, отклонив жену, стала измерять ему температуру.

– Сколько? – спросил Гриша, когда девичья ручка извлекла градусник.

– Одна тысяча сто рублей, – ответила девушка.

– Так много? – не поверил Гриша.

– А вы как думали? Грипп – дело серьёзное! А теперь давайте измерим давление. – Девушка улыбнулась и присела рядом с Гришей так, что её колени упёрлись в его левое бедро. Гриша затаил дыхание.

– Ну вот, так я и знала, – огорчённо пропел девичий голосок. – Три тысячи четыреста рублей! У вас очень высокое давление. Нужна срочная госпитализация. День стационара

стоит четырнадцать тысяч пятьсот рублей. Вам необходимо лечь минимум на три года. Положение очень серьёзное!

От последней цифры Гриша вздрогнул, шумно втянул в лёгкие воздух и открыл глаза.

– Что с тобой, тебе плохо? – не оборачиваясь, спросила встревоженная жена.

Гриша с минуту анализировал происходящее, потом хмуро откинулся на спинку сиденья и буркнул: «Маша, домой!».

След прошлого...

Узкая улочка в одном из рабочих кварталов уездного городка. По улице идёт человек явно нездешний, благополучный, или, как говорили раньше, фартовый. Невдалеке остановилась и переминается с ноги на ногу, как стрекозка на листике, молодая хрупкая девушка. Она не решается продолжить движение вглубь улицы. Поравнявшись с девушкой, человек спрашивает:

– Простите, я могу вам чем-нибудь помочь?

– Д-да, – отвечает девушка и стыдливо вжимает в плечи прелестную головку, – не могли бы вы сопроводить меня? Я живу недалеко, на соседней улице, а здесь мне ходить страшно, здесь...

...Весело, стараясь не походить на испуганных чужаков, они шли по узкому коридору старой обшарпанной улицы.

Однако их нарочитая весёлость сразу привлекла внимание обитателей этого сумрачного и грязного каньона.

– Эй, ты, там! – гаркнул молодой парень с балкона второго этажа. – Тебе говорю, стой!

– Не слушайте его, идёмте, – шепнула девушка своему провожатому и торопливо засеменила дальше. Дмитрий (так звали нашего героя), не оборачиваясь, также ускорил шаг.

– Не понял, – поперхнулся парень и бросился к чёрному

ходу.

Через пару секунд он выбежал на улицу метров на пять впереди и преградил дорогу, застыв в отвратительной позе пьяного сатира.

– Ты чё, глухой? – выдавил парень сквозь зубы, предчувствуя привычное удовольствие – размочить чужака на собственной территории.

– Сойди с поляны, баклан! – спокойно ответил ему Дмитрий и отпустил руку девушки.

– Чё?..

Парень выхватил перо и как кошка прыгнул на чужака. Но случилось непредвиденное: наглец выронил нож, шархнулся в сторону и, ударившись головой о выступ открытой оконной рамы, стал медленно и безвольно оседать на брусчатку улицы. Алая кровь брызнула на его белую накрахмаленную рубашку.

– Ой! – вскрикнула девушка, заметив на одной из косточек запястья правой руки Дмитрия лёгкую ссадину.

На шум и кровь потянулась местная шпана. Серые стены каменного колодца буквально сочились человеческой плотью. Вскоре вокруг Дмитрия и девушки образовалось плотное кольцо обитателей квартала. Дело принимало явно непредсказуемый оборот.

– Пропустите нас, я обещаю вернуться, – спокойно обратился Дмитрий.

Толпа аморфно перетекала из одного эмоционального со-

стояния в другое. Агрессия сменялась то болезненной весёлостью, то гробовым молчанием.

– Хана тебе, бык, ты моего брата завалил! – визгнул в лицо Дмитрию рябой парень лет семнадцати.

Вдруг всё стихло. Из толпы вышел обыкновенный человек, не торопясь докурил сигарету и затушил её о ладонь рябого. Тот взвыл от боли, но покорно продолжил стоять на месте.

«Авторитет, – мелькнуло в голове Дмитрия. – Значит, суда Линча не будет. Это радует».

– Вернёшься, без базара? – с усмешкой спросил авторитет и, подтащив к себе рябого за волосы, добавил: – А то гляди...

– Вернусь, – повторил Дмитрий, глядя прямо в глаза хозяину улицы.

– Иди, у тебя час. Этого убрать.

Авторитет указал рукой на забрызганный кровью комок человеческой плоти, который так и лежал у стены, не приходя в сознание.

Толпа расступилась, пропуская Дмитрия и девушку.

– Почему они не стали нас бить? – отойдя от толпы метров на двадцать, взволнованно спросила девушка.

– Пока не знаю, – ответил Дмитрий.

Они дошли до конца злополучной улицы, повернули за угол и вскоре подошли к дому, где проживала девушка.

– Мы пришли! – всей грудью выдохнула девушка. – Я вам

так благодарна! Может, зайдёте? Мама будет вам рада.

– Спасибо, я вас навещу чуть позже. А теперь я должен идти: мой час на исходе.

...Дмитрий подошёл к забрызганному кровью участку улицы и оглянулся. Вокруг не было ни души. Напряжением слуха он различил тончайшее трепетание воздуха. Память мгновенно классифицировала звук, Дмитрий отпрянул в сторону. Рядом с местом, где он только что стоял, в оконную раму воткнулось металлическое перо.

– Ну здравствуй, Димка-самурай! – От стены отделился улыбающийся хозяин улицы. – А ну припомянай: долбаный Афган, Герат, стрелковый взвод Маркуши и ты, такой геройский, простреленный в обе ноги, волочишь на себе зелёного баклана, меня! Как я тебя искал по госпиталям и на гражданке искал, должок вернуть хотел. А ты, гляжу, сам пожаловал!..

Дмитрий разглядел на глазах собеседника слёзы. Да он и не скрывал их. Герат... Вовка Смольников! Милый трепач по кличке «Свиристель»...

Из окон на боевых товарищей испуганно поглядывала уличная шпана. Таким сопливым своего геройского Вована они не видели никогда. Дела!

Пиши, брат!

Когда Алексею Борисовичу исполнилось шестьдесят годов, потянуло его на литературу. Да так потянуло! Писал «юный» графоман поначалу излишне витиевато, со множеством стилистических украшений. Однако слог его постепенно оттачивался, и уже через год из-под пера сочинителя ложилась на лист вполне выверенная строка, ласкающая слух. Без труда набив на клавиатуре несколько десятков коротких рассказов, Алексей Борисович призадумался. В беглости сочинительства он почувствовал скрытый подвох.

Как человек, впервые переступивший порог церкви, тотчас становится пламенным пророком, так и в непринуждённом трепетании авторской строки Алексей различил неприятное скольжение ума, прикрытое лукавым перестуком клавиатурных литер.

Разместив тексты на портале «Проза. ру», наш герой любил читать благосклонные рецензии собратьев по творческой лаборатории и еженедельно тратил немалые деньги, оплачивая анонсы опубликованных рассказов. Чужие тексты он читал мало, вернее, вовсе не читал. Не по причине пугливого нелюбопытства, а, скорее, из внутреннего желания сосредоточиться только на собственном мироощущении. Иногда, правда, склонив седую голову над сочинением

какого-нибудь юнца, он лениво пробежал глазами строки и снисходительно шурился на каждый обнаруженный в тексте ляп.

Однажды Алексей Борисович натолкнулся на замечательный рассказ совсем юной девушки. Как ладна, внутренне красива и глубока была её речь! Как неожиданно она говорила о простом и обыкновенном! Неслыханное дело, Алексей перечитал рассказ девушки дважды от начала до конца, искренне радуясь правым полушарием встрече с высокой литературой, а левым ощущая неприятный холодок зависти. Такая молоденькая и так пишет!..

С неделю Алексей как сыч бродил по кабинету. Его несомненный литературный талант, разрушенный до основания рассказом юной примы, выл подобно собаке, брошенной хозяином на произвол судьбы.

«Что делать? – спрашивал он самого себя. – Моя строка изящна, но обыкновенна. Так могут писать и другие». Пытаясь сформулировать случившееся, он стал читать классиков. Открыл томик Грэма Грина, но вскоре со злостью захлопнул книгу. Отточенная английская вязь навевала на него скорую скуку. Попробовал читать Чингиза Айтматова. На этот раз отпугнуло излишне сложное, как ему показалось, построение речи.

Недовольство ободрило Алексея. Однако, что бы он ни

читал, его как магнитом тянуло к девичьему сочинению. Стоило пробежать глазами хоть пару её волшебных строк – оторопь возвращалась. Алексей Борисович потерял аппетит, стал больше пить, осунулся и в конце концов решил уехать в Крым – в зимнюю непогоду и одиночество.

Что произошло с Алексеем в Крыму, знают только штормовой ветер и серый, в пенистых бурунах котлован Чёрного моря, полный до краёв холодной, неприветливой жидкостью. Однако, несмотря на крымскую непогоду, в Москву Лёша вернулся обновлённый, или, как говорят ныне, переформатированный.

Он распахнул дверь, сорвал с плеч пальто и не глядя бросил заснеженный драп в сторону вешалки. Поспешно, не снимая ботинок, Алексей прошёл в кабинет. И хотя в кабинете всё было по-прежнему, Алексей Борисович воскликнул в сердцах: «Какая теснота!».

Включив компьютер, он с грохотом подтащил стул к рабочему столу и присел перед клавиатурой. С минуту сидел молча, затем тихо скомандовал самому себе: «С Богом!».

Рассказы об отце

Рассказ 1. Рыжий

Отец мой был человек спокойный и рассудительный.

Помню случай. Я учился в третьем классе, в школу ходил и возвращался без провожатых. Одно время повадился приставать ко мне сосед по дому, рыжий парень лет четырнадцати. Он хватал меня своими длиннющими руками, валил в сугроб или, сорвав шапку, нещадно гонял её, как мяч, по двору. Мама, видя любимого сына изрядно помятым, спрашивала: «Что случилось?». Я отвечал: «Поскользнулся» – или что-то в этом роде.

Эта длиннорукая сволочь, наверное, имела гипнотический талант. У меня даже в мыслях не возникало желания дать ему хоть какой-нибудь отпор. Я понимал, что страдаю от страха гораздо больше, чем если б получил пару хороших тумаков, но поделаться с собой ничего не мог. Пытаясь перехитрить моего мучителя, я каждый день выбирал новый маршрут в школу, но, увы, всякий раз у меня на пути вырастало отвратительное рыжее чудовище, и мои мучения повторялись.

Наконец я не выдержал и в великом смущении поведал отцу о своей беде. Отец выслушал и предложил план: по пути

из школы домой он, как посторонний, будет идти неподалёку и вмешается, когда мой мучитель проявит себя.

Окончились уроки. Я вышел из вестибюля школы на улицу. Падал крупный снег. Обречённо вздохнув (роль живца я выполнял впервые), я направился к дому.

– Эй, мурло толстое, ну, подь сюда! – услышал я противный, до боли знакомый голос.

Не останавливаясь, я пошёл дальше – будь что будет! Рыжий подскочил ко мне, подсёк ноги и повалил в снег. В это мгновение огромная фигура человека заслонила собой яркое небо в фонарях и размашисто воткнула в снег рядом со мной моего обидчика. Конечно, это был отец! Я встал на ноги, отряхнулся и стал искоса наблюдать за происходящим. Он ухватил рыжего за отворот пальто, вытащил из сугроба и пару раз сильно встряхнул, как мусорную корзину.

Пока отец вёл с рыжим усмирительную беседу, у меня на душе, честно говоря, скребли кошки. Я стыдился самого себя, своей робости и безволия. Меня даже не радовала перспектива будущего, в котором не окажется липкого и злого пакостника. Отец на моих глазах выталкивал рыжего из моей жизни, но он никак не мог вытолкнуть страх, преодолеть который предстояло только мне самому. И это ощущение собственной немощи непривычно беспокоило мой детский умишко.

Вдруг я услышал гнусавый голос рыжего:

– Дядя Лёш, а чё он мне рожу корчит за вашей спиной?

Отец, забыв на мгновение, что верить рыжему нельзя, ослабил хватку и строго посмотрел в мою сторону. Пленник вырвался и отбежал на несколько шагов.

– Да пошли вы!.. – заорал рыжий на нас обоих и бросился бежать по переулку.

– Забудь о нём, – сказал отец, наблюдая, как исчезает рыжий след в хлопьях мокрого снега. – И в будущем, как бы трудно и больно ни было, постарайся справиться сам. Есть такая профессия – быть мужчиной!

Отец обнял меня за плечи, и мы зашагали к дому.

Рассказ 2. Утопленница

Мне было лет семь. Отец работал начальником команды водолазов Волжского пароходства и иногда брал меня с собой в летние волжские экспедиции. Целый месяц, а то и больше, я плавал на небольшом водолазном пароходике по Волге. Отец ежедневно работал, а я с утра до самого вечера был предоставлен самому себе.

На воде всегда что-то случается. Из калейдоскопа событий того лета в память врезался вот такой случай.

Наш кораблик второй месяц спускался по большой воде от истока к устью. И где бы ни приходилось команде выполнять водолазные работы, всюду местные жители просили о

помощи. А какая помощь от водолаза? Как есть одна – поднять утопленника. Просьбы сыпались почти каждый день. Отец старался оградить меня от этих печальных зрелищ: отправлял с кем-нибудь на берег за продуктами или просто заперал с книжкой в каюте. Однажды я всё-таки сумел выбраться из заточения.

Мы стояли на якоре метрах в сорока от берега. Наполовину песчаной отмели собралась толпа местных жителей, человек пятьдесят. Царило гробовое молчание. Лёгкий ветерок играл крохотной волной о борт нашего судна, редкие крики чаек нарушали полуденную тишину странным косячным тембром голоса. Невдалеке от нашего корабля поднимались из воды беспокойные пузыри воздуха. Они поднимались со строгой периодичностью и как бы говорили о том, в каком месте сейчас находится водолаз.

Я знал: сейчас там, под водой, мой отец. Когда эту работу выполнял кто-то другой, отец часто заходил ко мне в каюту, что-то мне рассказывал, стараясь отвлечь от тягостного ожидания, царившего в такие минуты на корабле. В этот раз уже прошло три часа, но отец не приходил. Тогда я стал машинально дёргать все защёлки и вентили в каюте, пока случайно не обнаружил неопломбированный люк верхнего хода, через который и вылез наружу.

Шёл четвёртый час поиска. Как я потом узнал, утонула

девочка лет десяти. Они с мамой пришли купаться четыре дня назад. Приезжие. Их не успели предупредить, что этот залив пользуется дурной славой и не раз тут случались истории. Дело в том, что ровный песчаный сход в воду метрах в десяти резко обрывается вниз, говорят, метров на тридцать. И ещё. Стоит войти в воду, ногами чувствуешь сильное течение, которое делает у берега разворот и сносит на глубину.

Был жаркий день. Девочка с разбега побежала в воду. Мать раскладывала вещи, вдруг услышала короткий испуганный крик дочери, бросилась к воде, но всё уже стихло, волны разгладились. Девочка утонула. Искали три дня всей деревней. Прошли по течению на три километра вперёд, думали, может, там вынесет, – нет. На четвёртый день пошли к водолазам. Видать, зацепилась она за что-то на глубине или ещё как. «Помогите, люди добрые, мать совсем от горя тронулась, лежит, никого не признаёт!..»

Тогда-то и запер меня отец в каюте. Видно, понял сразу: искать долго придётся. Никого не назначил на погружение, пошёл сам.

Я неотрывно смотрел на пузыри, поднимавшиеся со дна, и прислушивался к голосу отца, едва различимому в хриплом потоке радиопомех.

Большинство слов я разобрать не мог и вдруг чётко услышал:

– Вижу!

Команда оживилась.

– Тридцать четыре метра! Мать твою, многовато, – слышал я голос старпома.

– Сил бы ему хватило, эх, Лёшка, – пробасил дядя Никита.

– Н-да, по отвесному склону выбираться, да ещё руки заняты! – добавил кто-то.

Я в волнении уже никого не слушал. Я понимал, чем должны быть заняты руки отца, и, не отрывая глаз, глядел на воду. Чутким детским нутром я ощущал, что сейчас происходит борьба, что отец из последних сил карабкается вверх по крутому склону со смертной ношей в руках. Может быть, я в те минуты молился, усиленно пытаюсь что-то сделать, чтобы отцу стало хоть чуточку легче. Прошло ещё минут двадцать.

– Ребята, майна трос, выходит! – услышал я команду старпома.

...Когда из воды показалась медная сфера водолазного шлема, над толпой, как прощальный дымок сигареты, взвился короткий вздох:

– Ох-х-х...

Казалось, люди превратились в одну сжатую пружину... Над водой показались плечи отца и грудь, увешанные двадцатикилограммовыми свинцовыми грузами. И вот наконец из воды выступили руки отца в огромных гофрах водолазного скафандра, на которых лежало что-то почти бесформенное, что-то очень хрупкое и белое...

Все пятьдесят человек как по команде взвыли, заголосили, закричали, замахали руками и бросились к воде. Отец, пошатываясь, как былинный великан вышел на берег и передал несчастную мёртвую девочку окружившим его селянам. Слезы брызнули из моих глаз, как кровь из надрезанных вен. Не помню, что было дальше. Меня обнаружили и увели в каюту. Там я зарылся в подушку и ревел, ревел, ревел, не в силах остановить слёзы...

Вдруг мне почудилось, что он рядом. Я оторвал голову от подушки и действительно увидел отца. Он сидел, привалившись огромной спиной к спинке койки.

– Боря, не плачь, ты же мужчина!

– Папа!..

Он выплывет!

– Пожалуйста, не занимайтесь публицистикой! Пишите серьёзно. – Иван Иванович строго посмотрел на своего молодого коллегу, до которого ему, в общем-то, не было никакого дела. Разве что жалко.

Надо сказать, знаменитый писатель Иван Иванович Радов обладал непомерной в наш канцелярский век человеческой отзывчивостью. Для человека его положения подобные качества натуры, безусловно, похвальны с точки зрения христианства. Но совершенно невыносимы в условиях городской литературной жизни.

«Однако жалко парня, – думал Иван, – есть в нём что-то, чует моё сердце, есть. Подрубить молодой дубок – дело нехитрое...»

Радов задумался.

«А предложу-ка я ему написать что-нибудь совместно! С моей стороны – имя, общая, так сказать, редакция. С его стороны – молодое трудолюбие, пусть роет!»

Мысль Ивану понравилась. Просиживать с утра до вечера вертлявый стул с надоевшей супермеханикой и «обивать порожек» старой как мир клавиатуры – надоело до чёртиков! Жизнь проходит!..

Сколько раз, увлечённый прелестями виртуальных построений, он отказывал себе в простых человеческих радостях! У него не было женщины. Не было друзей. Гонорары, которые он зачем-то копил на сберкнижке, в одночасье съела сволочная гайдаровская реформа. Тогда же он перестал копить и зачастил по пивнушкам в поиске друзей и впечатлений. Друзей не приобрёл, но сорить деньгами научился. Рассыпая червонцы, не дотягивал до предстоящего гонорара и с чувством огромной неловкости занимал деньги у соседей. Постепенно Иван как литератор терял тот невидимый кураж мастерства, которым блестяще владел на заре своей творческой биографии. Нет, его рассказы и заказные эссе по-прежнему охотно брали редакторы, но с некоторого времени он почувствовал тонкую корочку ледяного безразличия к себе и главредов, и их вертлявых помощников. Эта корочка таяла в живом общении, но всякий раз вновь чувствовалась при начале и окончании следующего разговора. Его реже стали приглашать на словесные турниры и профессиональные корпоративы. Однажды он пришёл в гляцевую редакцию, распахнув дверь по привычке ногой, и с удивлением заметил, что главред прячет глаза в ворох бумаг и не выбегает, как прежде, из-за стола с приветствием. А заказ на очередное эссе, заказ, который в прежние времена лежал на редакторском столе и терпеливо ждал Ивана, оказывается, уже отдал другому. «Отдали поспешно, совершенно случайно, просто так сложились обстоятельства», — оправдывался главред,

дружески хлопая Ивана по плечу и поглядывая на часы.

– Знаешь, старик, у меня сегодня что-то голова развинтилась, договорим в другой раз, – извещал он Ивана.

Иван же, уходя и закрывая за собой дверь, слышал спиной, как редактор кричал в телефонную трубку:

– Отлично, старик, ты гений, беру!

И вот теперь этот молодой, задвинутый на литературу человек смотрит на него как на памятник и ждёт ответа Мастера.

«Да, – подумал Иван, – из мастера я превратился в долбаного литературоведа. Всё понимаю, любой текст как осьминог могу утащить на творческую глубину, там заилить так, что сам автор не узнает! Вот только писать разучился – это факт. А парня и правда жалко. Негоже вешать на него литерное грузило и топить в родном море литературы. Пусть барахтается – он выплывет!»

Иван вздохнул, улыбнулся собеседнику и размашисто написал на титуле: «Рекомендую к печати».

Голубая Вольва

История эта случилась ранним июньским утром. Голубая Вольва, похожая на отколовшийся ломтик идеального бразильского неба, выкатилась из лабиринта московских улиц и аккуратно, высчитывая миллиметры, протиснулась в старую неприметную подворотню.

– Какая машина! – мечтательно произнёс бомж, сидевший неподалёку. – Да...

Миновав опасный тоннель, Вольва расправила сложенные зеркала и энергично выехала на середину небольшого уютного дворика. После томительной подворотни Вольва двигалась размашисто и свободно. Так пойманная рыба радуется ведру с водой, выскользнув из тесных объятий рыболова. Машина остановилась около детской площадки, отключила габариты и сложила зеркала.

– Ах ты, форелька голубенькая! – улыбнулась Валя, разглядывая с балкона синий полированный металлик, в котором плавилась перевёрнутые изображения домов и облака, плывшие по небу.

Валентина жила на пятом этаже добротной сталинской пятиэтажки. Летом она вставала рано и первым делом отправлялась на балкон поливать цветы. Как орлица над степью Валя вглядывалась в утренний фиолет дворового колодца и примечала новости «вверенного ей» человеческого об-

щежития. Конечно, появление такой шикарной машины в их простеньком дворике (в такую рань!) виделось ей событием не рядовым и с очень, очень непредсказуемыми последствиями!

Пора сказать несколько слов и о непрошеной гостье, получившей от Валентины милое прозвище «голубенькая форелька». Громоздкая семидверная Вольва действительно походила на раздутую, созревшую для нереста форель. Лоснящиеся полированные бока обнимали внушительный поддон брюха. Это была очень дорогая машина. И если для одних её самодовольный вид являлся источником положительных переживаний, то для других громоздкое автовеликолепие представляло реальную личную опасность. Явленная зримо, эта фантастическая роскошь сигнализировала тонким натурам о заболевании общества как коллективного социума, а значит, и его возможной скорой гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.